

Пьеха Эдита

Эдита ПЬЕХА:

Известия — 1999 — 19 февр. с. 8
19.02.99

Я могла бы стать Марлен Дитрих

Эдита Пьеха говорит о предстоящем концерте и выступлении на Фестивале молодежи и студентов в 1957 году (и тогда, и сейчас — полные залы, любящая публика) с одинаковой легкостью, элегантно воскрешая эпоху, навечно впечатанную в гранит. Уроженка Франции, исполняющая советские песни с «не нашим», но братским акцентом, была для многих поко-

лений экзотическим чудом, почти инопланетянкой. И не меньшей экзотикой смотрятся ее сегодняшние выступления: ничего не меняется, и сама Пьеха выглядит так, как и десять, и двадцать лет назад. Эта песня не расстанется с тобой. Предлагаем вашему вниманию отрывок из беседы певицы с корреспондентом «Известий» в эфире радио «Свобода».

— Это очень утомительно — на протяжении стольких лет ощущать любовь миллионов?

— Это очень приятно. Меня же везде узнают, улыбаются, считают чуть ли не родной. Любая собака на улице скажет: «Здравствуй, Пьеха». Я считаю себя миллиардершей, только мой капитал ни в одном банке не хранится, он в душах людей. Без этой любви я уже не смогла бы жить.

— А у западных артистов вашего уровня в банках лежат и вполне реальные миллионы. Не бывает обидно?

— Бывает, слезу пущу. Но что делать, не пропаду. Есть еще столько деревень, маленьких городов, в которых я не выступала. Начнут платить людям зарплату — и я себе что-нибудь заработка. Не миллионы, конечно, но все-таки. Сейчас ведь и с концертами очень плохо: моя публика — шестидесятники, им особенно тяжело.

— Вы выступали в 20 странах мира. Не было желания остановиться, сделать карьеру?

— Даже и возможность была. Я ведь стала, не подумайте, что хващаюсь, любимицей Германии в свое время, единственная из всех советских певиц. У меня было больше 30 концертов в этой стране. Очень хороший был прием на Кубе, мне ведь даже присвоили неофициальный титул «Госпожа песня». Я была без пяти минут звезда во Франции: два раза выступала в парижской «Олимпии», имела хорошую прессу. И существовал даже — как это сейчас говорят: проект? Программа популярных советских песен на французском языке. Он не состоялся, к сожалению. Кстати, в Каннах мне и Муслиму Магомаеву вручили по «Нефритовому диску» за рекордные тиражи наших пластинок на фирме «Мелодия». Диска этого я так потом и не увидела, наверное, его в «Мелодии» на украшения распилили. В Польше, естественно, я была звездой. Не для эмигрантов — для поляков. Чехам нравилась. Польские газеты писали: «Пьеха — единственная певица, которая могла бы стать звездой на Западе, и ту русские укрыли!». Даже в Афганистане, где я первой из наших артисток выступила, были аршинные заголовки на следующий день: «Первая советская ханум очень нам понравилась». Я пела на пушту и на дари! Представьте, как зурила. Если бы не война, наверняка было много гастролей в этой стране. Но у меня не было совершенно никакого желания опять начинать все заново. Моя жизнь во Франции и Польше не была устроена розами, я жила в бедности. В послевоенной Польше был голод, меня готовили в портних и в жены шахтерам. Я чудом вырвалась, убежала в СССР: от униженных отчима в Польше, от горя во Франции. В СССР я почувствовала себя богатой, потому что получала стипендию и могла наесться досытая. Я же не готовила себя в актрисы, боже упаси. Просто пела с детства: мы ходили в костел, где все прихожане пели под орган, и дома — с мамой под мандолину. Я приехала честно учиться на психолога, чтобы потом уехать обратно в Польшу, преподавать в школе, любить детей, потому что меня никто не любил. И с акцентом этим, по поводу которого было столько шума, я боролась знаете как! Ходила в лингафонный кабинет, чтобы заткнуть рот всем тем, кто приставал ко мне в прессе. И все-

таки научилась говорить более или менее, слышите? Почти по-русски. И куда мне уезжать, когда я три раза начинала жизнь сначала? Пробивалась во Франции, была отличницей, хотя мною никто не занимался, потом в Польше, потом зурила «Капитал» в Ленинградском университете. Слава богу, господь мозги дал, хотя я ими, наверное, не до конца пользуюсь. Их тренировать надо, а от пения ума не прибавляется.

— Вы родились в маленьком шахтерском поселке. Сейчас, когда в новостях постоянно говорят о трагических смертях из-за технических неполадок, когда шахтерам не выплачивают зарплату — вы вспоминаете какие-то картинки из детства?

— Конечно. Но знаете, шахтеры гибли всегда. Это такая профессия, как летчик или моряк. Невозможно предугадать, где будет завал или взрыв газа, и я была, конечно, свидетельницей таких смертей. Тогда не бастовали — время было другое, люди были настолько закалены горем и бедностью, что им было не до забастовок. Мой отчим говорил: «Пока у меня есть руки — я буду работать». А бастовать — зачем? Другое дело, что владельцы шахты во Франции платили зарплату. Папа, проработав двадцать лет в шахте и уйдя в мир иной, заработал для меня пенсию, которую мне выплачивали профсоюзы до 18-летнего возраста. Тогда были очень сильные профсоюзы. А то, что происходит здесь, — это какое-то большое недоразумение, мягко скажем. На уровне первобытного общества. И я скажу почему — потому что рыба гниет с головы.

— Многие ваши коллеги сейчас удалились в эксперименты. Хиль записал диск с молодой питерской группой «Препинаки», Лещенко снимается в клипе с «Мегаполисом», Кобзон выступает с диджеем Грувом. То же самое происходит и на Западе, взять хотя бы знаменитый дует Френка Синатры и Бони из «U2». Не было ли и у вас соблазна попробовать что-то новое?

— Нет, я не экспериментатор. Это похоже на пластическую операцию. Они как будто хотят себя омолодить. У меня свой жанр, свой стиль, благодаря этому у меня есть

публика по сей день. Я есть, какая есть, и никогда не была модной певицей. Экспериментировать можно тем, кто еще не нашел своего лица, а от добра добра не ищут. Я же не против того, что молодые певицы поют мои песни. Ради бога. Правда, мне кажется, что я пела их лучше. Надо было жить в эпоху коммуналок, чтобы петь про соседа, который играет на трубе. Но у молодых другое миоощущение. Не берусь судить, в чем мы различаемся: может быть, нет у них такой грусти, какая была у нас, — до слез, а радость, может быть, напускная. Не знаю. Я, кстати, слышала эту запись Синатры, целый диск дуэтов с известными и молодыми музыкантами, когда была в США. Очень интересная. Но я так бы не смогла. Я однолюб, не люблю менять людей, со мной работают музыканты и по двадцать, и по сорок лет. И мою публику это устраивает.

— Но ваша публика стареет...

— Ну и что? Вместе родились, вместе и умрем. Сейчас очень не легко всем звездам. Вы представить себе не можете, как мы со Славой Зайцевым придумывали мои наряды — по принципу «голь на выдумку хитра». Публика раскрывала глаза и ахала, а мне приписывали, что я везу платья из Парижа. Да если бы у меня были те деньги, какие есть у певиц сейчас, извините — я быль бы Марлен Дитрих!

— Современная музыка вас хоть как-то интересует? Есть персонажи, за которыми вы следите?

— Я не могу охватить того, чего не понимаю. Все, что происходит сейчас в моем жанре — он теперь называется, кажется, поп-музыка или рок-музыка, не знаю — для меня темный лес. Моими идеалами были и остаются исполнители, которые не просто поют песни, а играют их как маленькие роли. Марьяна Родович, Слава Пшебильска, Эва Демарчек, из француженок — Эдит Пиаф, Далида, Жюльет Греко. Клавдия Иванова, конечно. Кое-кто из молодых мне нравится, но имен я не назову. Просто потому, что не хочу обидеть остальных — помню, как сама обижалась, когда мои коллеги, отвечая на вопрос: «Кого вы выделяете», — упоминали всех, кроме меня. А я ведь никогда не была последней.

Алексей МУНИПОВ